

DOI: 10.18384/2310-7227-2021-4-9-22

К ЮБИЛЕЮ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА. ВОСПОМИНАНИЯ О ВСТРЕЧЕ*

Абульханова К. А.

*Институт психологии Российской академии наук
129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, Российская Федерация*

TO THE ANNIVERSARY OF LEONID ANDREEV. MEMORIES OF THE MEETING

K. Abulkhanova

*Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences
ul. Yaroslavskaya 13, Moscow 129366, Russian Federation*

Вместо предисловия

В моей жизни не было множества значимых людей. Посвящая свою жизнь науке, приходится сужать круг общения, светскую жизнь, даже друзей. Она – как магнит – притягивает к себе мысли, интересы, чувства, прочерчивает круг профессионального общения, как Молох, пожирает время жизни: вечера, ночи, годы... Но это притяжение – не принудительно, а время наполнено мыслями и чувствами, озарениями и поисками, приносящими свершенность...

В царстве творчества – ты сам повелитель деятельности и определитель меры труда. В нем ты свободен... Но одновременно ты в ответе перед теми, кто подарил тебе эту способность, ничего не потребовав взамен. Перед предками своими, перед родителями и перед теми, кого ты в жизни встретил и в час сомнения, и в час уныния, в час трудностей и испытаний, и он сказал тебе – «ты права»... И эти встречи случайно-неслучайны, потому что именно в их минуты или годы поднимается прибор раздумий, распаивается дверь взаимопониманий и происходит осмысление жизни, людей, судеб...

Не-случайность встреч в моей жизни определялась кругом моих предков и родных, кругом научным и, я назову их, экспромтами, потому что встречи не были ни назначены, ни предопределены, но они порой оказывали сильнейшее воздействие, впечатление, потому что... были символичны. И мне порой казалось, что кто-то (теперь-то я знаю, кто) тщательно ткет канву моей жизни, в определенных местах завязывая и как-то причудливо связывая с другими – узелки моих встреч.

Привычку к символизации – не рефлексии – я получила как бы в подарок ко всему остальному – крови предков, талантливых и мужественных, любящих друг друга, нас – детей, родителей. Я знала, что неслучайно я родилась в Озерах, где в детстве звали заокские дали, восходы и закаты, скольжение лодки по прозрачной воде, непроходимые леса, и дедов яблоневый сад, благоухающих розами, малиной, черной смородиной, хотя семья жила в Москве. Я также твердо знала, что мои просторы Озер – беготей, играми на улицах – также правильны, как теснота коммуналки, вмещавшей (как бывшее подворье при снесенном Храме) в коридоре второго этажа до пятидесяти, если не более жильцов и их детей, при одном умывальнике и унитазе. Здесь, в принадлежавшей родителям комнате, была теснота (отцов диван в «гостиной» только ширмочкой отделялся от нашей с мамочкой «спальни» – ее кровати с золотыми набалдашниками, моего сундука и наталкиной младенческой кроватки. Зато здесь был простор для чтения (дедовская огромная библи-

© СС ВУ Абульханова К. А., 2021.

* Текст публикуется в авторской редакции.

отека) и кукольного театра (через ширму) для всей детворы.

Также закономерно было, что озерская бабушка зимой – затемно, вёснами – на рассвете – выкраивала – выкрадывала из бесконечного дня многократных обедов, ужинов, уборок, заготовок, солений, варений, чистоты в доме и обихода старших и малых свои – *неприкосновенные* – пятьдесят минуток за чашечкой кофе и газетой, строя в своих очках, и не смотря на малость роста, худобу и доброту, «шугала» раннего гостя...

А московский дед – мамочкин отец – будущий фигурант повествования – жил в доме с колоннами, выходившем крыльцом в сад (запечатленный художником с печальным названием «Все в прошлом», имея в виду и судьбу дома, сад которого превратили в стадион «Буревестник», и старушку в кресле с девушкой – ее последней опорой жизни – на аллее дома – которую куда-то отправили, возможно, навсегда)... Так вот дед не только жил в этом доме, забитом антиквариатом, красным деревом, бронзой и... дровами, но и благоденствовал на «террасе» дачи – деревенской пол-избе, снимаемой моим заботливым отцом. Дед выпивал семь, а то и десять стаканов из самовара, честь поддерживать жар которого почему-то доставалась мне, а дедушка не считал часов...

И в этой же мере мне казалось справедливым, что в нашей комнате «солянской»¹

полками для книг служили доски, а роль обеденного стола удачно играл умывальник старого стиля, то есть с дырой для фаянсового таза посередине, также забитой фанерой, а за забитой дверью (чтобы не ходили к другой семье дедушки) были все те же «хрустали», бронза, мраморные статуи раннего Эрзи, вывезенные дедом из Европы, куда он в иные годы ездил в качестве менеджера по делам Саввы Морозова.

* * *

И вот после картин с натуры приступаем к сюжету. Дед – красавец и ловелас – первым браком женился на сестре Леонида

Николаевича Андреева – ныне забытого, в свое время популярного русского писателя. Леонид Николаевич был сложной личностью с не менее сложной судьбой. Уроженец Орла из простой бедной семьи, потерявшей кормильца, он стал старшим, а любимцем был всегда. Но при этом, обладая красотой необычайной, он был тщеславен, женолюбив, охоч до пьяных загулов. И при крайней бедности семьи, все не мог разобраться с образованием и женщинами. Выручил – случайно – орловский журнальчик «Курьер», куда он от безысходности попробовал писать мини-сценки из жизни, преуспел и по счастливой случайности попал в поле зрения Горького, стал участником «Сред», тогдашнего любительского объединения писателей.

Здесь он, по свидетельству Н. Телешова, участника «Сред», автора рассказов и воспоминаний, предстает самым скромным, много пишущим, принимающим критику и хвалу, ценящим мнение писателей, почти другом Горького².

И мой дед – Виктор Петрович Тройной, где-то встретившись с Леонидом Николаевичем, подружился с ним и даже бывал на «Средах», но писательство... – это было не его.... О дружбе их свидетельствует то, что они оба одновременно венчались в Ялте: дед – с Зинаидой Николаевной – сестрой Леонида, а Леонид Николаевич – с Шурочкой, Дамой – Шурой – гением его судьбы. Шурочка была скромна, строга, умна. Она не только вызволила его из жизненного разброда, но стала критиком и вдохновителем, бессменным ночным соучастником его творчества. Сразу скажу и о моей бабушке, имя которой практически даже не упоминается андрееведами, а она сама не занимает в силу скромности своей никакого места в огромной семье Леонида. Может быть потому, что она так же быстро умерла?

Как вместе венчались, так и почти вместе ушли из жизни: жена Леонида Шурочка – родами второго сына Даниила, а Зинаида – недолго протянула после рождения Евгении – моей мамы.

¹ Улица Солянка в Москве.

² Телешов Н. Записки писателя. Воспоминания и рассказы. Леонид Андреев. М.: Правда, 1987. С. 121–131.

Что случилось с отцами и детьми? Леонид Николаевич, безутешно переживая смерть жены, все же погодя женился вторично – на женщине (если бывает абсолютный антипод одного человека относительно другого – это была Анна относительно Шуры). Она вовлекла Леонида в капризы чувственной любви, противоречий любви – измен. Как ни странно – при отсутствии родства между Леонидом и Виктором Петровичем – дед как будто зеркально вступил в брак (тоже с Анной) с красавицей с холодным сердцем.

Сироты – старший сын Шуручки Вадим остался в семье, и казалось бы безоблачное детство в разросшейся детской ватаге не повлияло на его характер, но жизнь с семье мачехи и ее детей его сиротства пресечь не могла. Вадим вырос без матери и без брата и... практически – без отца. Даниил – младший, как бы виновник смерти матери – был Леонидом из семьи удален – его забрали и воспитали носившие соответствующую их характеру фамилию *добрые Добровы*. Воспитали таким, каким он не смог бы стать, сиротствуя в новой семье Леонида. И как символично, на мой взгляд, что он был единственным изгнанником семьи Леонида Андреева и ... единственным же из его детей, кто не эмигрировал из России. Не знаю, сколько лет покинул семью Вадим, но он – по определению – не мог бы стать в ней старшим при мачехе. Через Константинополь он эмигрировал в США, нашел работу в консульстве. Потом – с женой – перебрался в Европу, в Париж и в начавшейся войне участвовал в движении сопротивления.

Честолюбивая гордость Леонида поставила в центр семьи первого сына Анны Савву. Он видел в нем – бессознательно – подтверждение верности и любви жены и... тоже бессознательно – свое повторение. Савва, с легкой руки Леонида, сделался баловнем всей семьи. Двое последовавших детей – Вера и Валентин – стали как будто его тенью.

В разных странах в разное время Вадим и Вера опубликовали свои воспоминания о детстве и семье (под одним и тем же названием, хотя они уже не виделись, не

общались). Эти повести (при различных уровнях их литературного языка) свидетельствуют о счастливом детстве – веселых играх, катанье на санях, лодках, розыгрышах, но при этом совершенно – как под копирку – лютом голоде, редком участии отца и... отсутствии упоминания матери... Я думаю, по разным причинам: у Вадима – от любви, у Веры – от ее отсутствия). Ни в одной нет упоминания гнетущего (назовем его интерьера) Андреевского дома. Сквозит тема холода от неисправного отопления, отсыревающих постелей.

Семья живет не в Москве, Леонид перебрался в Финляндию, где на просторной возвышенности – по его проекту – его зять, архитектор, возвел то, что (сугубо только на мой взгляд) отвечало – нет, не русскому купеческому или дворянскому размаху, а той гигантомании, которой было насыщено творчество Леонида Андреева, и его характер, утративший былую скромность. Диваны в немецком стиле – на сорок или пятьдесят гостей, занавеси из Италии и так далее. Дом, построенный на финской земле, соответствовал норвежскому стилю. Снаружи (я видела его на фотографиях) он выглядел, как увеличенный раз в пятьдесят гигантский сарай. Ни тебе причудливых пенатских террасок, мезонинчиков, балкончиков, увитых виноградом и окольцованных клумбами. Ни тебе замысловатого кружева резьбы на наличниках дома по соседству живущего Ильи Ефимовича Репина. Казалось, что в доме даже не было окон (но это – не от зависти... Мне кажется, каждый имеет право подобрать интерьер себе под стать) и Леонид неосознанно оформлял его по мере соответствия своему характеру, становящемуся все более мрачным.

При огромных окнах и высоченных потолках, окна были затянуты темными драпри, а кабинет увешан огромными мрачными картинами, уставлен в таком же стиле фигурами (скажу примитивно – все в целом придавало жилищу оттенок потустороннего мира).

Это, по-видимому, могло повлиять на характер детей, но счастье, что они, может

быть, соревнуясь, быстро миновали эти покои, а им было куда бежать – дом окружали, правда, не парк английского типа, даже не сад, а стихийно освоенное (протоптанными дорожками...) пространство природы¹.

Даниил же, росший в другой – родственной, родной семье, как говорилось, единственный не эмигрировавший из России, скоротал свои лучшие годы в лагере... Но он и создал то, что превзошло, на мой взгляд, по глубине и масштабу все – вместе взятое – творчество своего отца – «Розу мира»².

Мама моя, как я уже говорила, интересовавшаяся всей семьей Леонида Андреева, дружившая с его сыновьями, мне кажется, не общалась с ним долгие годы. Но однажды она, любившая иногда отключаться от быта кастрюль и обедов походами в гости, вернулась из очередных сама не своя и вечером о чем-то шептала отцу. Она, как выяснилось позднее, как всегда, в гости припозднилась и была встречена консьержкой, еле говорившей от ужаса... Она повторяла только одно: «Беги, беги отсюда»... За десять минут до прихода мамы были арестованы и увезены в фургонах человек двадцать гостей, пришедших на слушания романа Даниила... и он сам. Я познакомилась с ним, прочтя (не подходят все эти слова к тому состоянию, которое вызывает его произведение – «Роза мира»,

превосходящее, нет, просто несопоставимое по своей глубине и человеческой трагичности и... символичности³ с разрекламированными (в том числе, в Германии) «Зияющими высотами» и пр. циничными произведениями (я осмеливаюсь включать в их число и Бродского, разрекламированного у нас эмигранта).

Однако мне довелось самой в этой жизни встретиться с другими детьми Леонида, кроме, конечно, Саввы, поселившегося далеко вато (он эмигрировал в Рои-де-Жанейро, стал... танцором. Не гены ли это отца, ходившего по канату своей славы и этим же канатом удушенный?)

И первая из них была встреча с Вадимом, повлиявшая на мое мировоззрение и судьбу. Делая небольшое отступление, должна признаться, по желанию или сопротивлению бродили в крови многих потомков⁴, говоря «гены», я не имею в виду «таланты»... Это бедствие настигло и меня едва ли не в шести- или семилетнем возрасте, когда в укромном уголку я исписывала плакаты «Берегите электроэнергию», приносимые родителями с работы, «произведениями» с названиями типа «Листая страницы жизни». В свое оправдание думаю, что значительная часть этой пагубной страсти была следствием прочитанных мной, примерно с того же возраста, томов дедовой библио-

¹ Опережая свой рассказ, сожалею, что вы, мои дорогие читатели, видимо, никогда не увидите этих картин, которые Леонид запечатлел в своих прекрасных фотографиях, в свою очередь оказавшихся в руках англичанина – любителя русской литературы и писателя Ричарда Дэвиса, издавшего, в свою очередь, альбом этих фотографий... на английском и французском языках, а мне, получившей этот альбом в подарок (об этом – позднее) не удалось найти «спонсора», который бы помог издать его... на русском языке. Не буду перечислять, к кому я только ни обращалась... что толку? У меня сохранилась открыточка Р. Дэвиса, в которых он иронично и равнодушно констатирует, что для России слишком дорого стоит перевод и публикация альбома..., ныне покойной директора Дома-музея Леонида в Орле Вологиной письма, выражающие заботу об этом издании... огорчение невозможностью осуществить его.

² Андреев Д. Л. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 2: Роза мира. М.: Уралия: Московский рабочий, 1997. 608 с.

³ Сначала я поясню свое понимание символизма, воплощенное и в этой статье. В отличие от психологического понятия «смысл» (А. Н. Леонтьев, Д. А. Леонтьев и др.), которое предполагает объяснение чего-либо, ясность (определенность) этого личности, т. е. завершенность – символ – это путеводитель для мысли, это начало (а не конец как смысл) – поиска, творчества, воображения. Я бы не оценивала произведение Даниила как миф. Как символ – да. Причем, откуда это соединение социально-философского и символического? (А не мифологического!). Потому что Даниил не мог писать в тюрьме о переустройстве общества (и в Мире, и в России, конечно). Он нашел те символы, которые путь тому, кто думал и... страдал этим: либо их расшифровать, либо додумать самому. «Розой мира» он открывал свободу мысли – для нас запретную, но – он в это верил – неубиенную... так я думаю (см. Стрельцова Г. Я. Андреев Даниил Леонидович (2(15).11.1906 Берлин – 30.03.1959 Москва) // Русская философия: энциклопедия. М.: Мир философии, 2020. С. 21–23).

⁴ Леонида Андреева.

теки, включая Ницше и Фрейд, Шекспира и... Ибсена (а русскую литературу, неоднократно читанную, я знала практически наизусть...). Но, как показывает мой случай, ни начитанность, ни писание не обязательно развивают трезвость ума личности.

С золотой медалью в сумочке и сумбуром в голове я отправилась отправилась поступать... на философский факультет! По школьной привычке готовиться к экзаменам я досконально изучила «Философскую энциклопедию» и учебник по философии, именуемый студентами «серая лошадь».

Однако на вопрос комиссии, что привело меня в философию, я довольно развязно сообщила, что вообще-то собираюсь стать писателем (но этому не научишь), а советский писатель без знания марксизма-ленинизма... понятно. На дополнительный вопрос, чтобы прийти в себя, кто-то осведомился, знаю ли я работу Сталина «Анархизм или социализм», я ответила отрицательно в этом же свободной стили. И не была особенно удивлена сообщением о том, что о зачислении на отделение философии речи идти не может, а логику, предложенную на выбор с психологией, я, как я сообщила, «не перевариваю».

Так я стала психологом и что-то на втором или третьем году учебы, когда еще не началось преподавание философии, я, вернувшись домой, застала приехавших в Россию Вадима с женой... Они добивались разрешения вернуться в СССР.

Не нужно долго говорить, что их, обоих и каждого, внешность свидетельствовала в них иностранцев – одежда, манеры. Однако – не речь. Это были живые, из далекого дореволюционного прошлого явившиеся русские интеллигенты. Сейчас не задумываются так глубоко во время разговора, как будто у себя дома, не спрашивают с такой интонацией, даже не так пьют чай. Я не говорю о том, что они были красивы, как боги (Б. Окуджава), и, перефразируя, но скромные, «как жители земли». Главным в их простоте было достоинство, какого я не видела никогда...

К ситуации – Молотов отказывал им, так как жена Вадима была дочерью... царского

министра. Заслуги Вадима ни в русском консульстве Нью-Йорка, ни в французском сопротивлении в войне с фашизмом роли не сыграли.

И вдруг, несмотря на какую-то опустошенность и усталость, Вадим обратился ко мне... его жена продолжила разговор с мамой. Он говорил со мной с такой простотой и сердечностью, как будто были мы знакомы всю жизнь. Его интересовало мое учение в МГУ, мои интересы, взгляды. Честно говоря, хоть мне уже было где-то двадцать, никто еще в моей жизни этим не интересовался, как и ... моей персоной. Он терпеливо выслушал мои с пафосом произносимые догматы истмата, диамата (хотя курсов этих у нас еще не было, но моя бедовая голова была напичкана расплывчатыми советскими философскими аксиомами), трудно передать ту искренность интереса, участия и ... сострадания к моей молодости, увлеченности, уму и... невежеству, которую проявил Вадим в этом разговоре. Он был так деликатен в своих вопросах, временами задумчив, пытаясь осмыслить излившийся на него хаос философской информации, выделить из нее саму мою способность мыслить, отделив ее от моей искренней увлеченности и навязанной уже, заразившей меня апологетики. И понимая в душе, что вряд ли еще нам доведется увидеть друг друга в этой жизни, Вадим постарался самой постановкой вопросов – тем, о чем и *как* он спрашивал меня, снять еще не окаменевшую коросту со способа моего мышления, открыв во мне самой то, что живо и умно. Очень вскользь, как бы увлекая меня в какой-то волшебный замок или потерянный подземный ход, он делился со мной своими мыслями: ни грамма поучительности не было в его доверчивом испытующем взгляде, в его наступавшем молчании или легком в этот миг прикосновении к моей руке. И эта его доверчивость заблокировала мою естественную ошеломленность, открыв шлюз к пониманию, приятию того, что он говорил.

Я и сегодня, по прошествии долгих десятилетий, уже как будто вошедшая в ум,

не могла бы передать, воспроизвести то, то он поведал мне в эту встречу. Я могу сказать только, что это была философия как способ философского мышления его личности, его жизни, неразрывно связанная со всем, произошедшим в ней и им свершенном. Это была

???????

тонкого, бесконечного, талантливого и много пережившего человека, которая была спутницей его жизни, его поводырем и – одновременно – его глубоко личным философским отношением – к России, к войне (в которой он был не жертвой, не зрителем, а равным участником), к людям, жизни, любви. Я могу только сказать, что за эти уж почти три часа разговора я получила и поняла столько, сколько не дало мне все пятилетие обучения на философском факультете. При обучении пеню голос ставят. Он поставил мне мышление, дав мне понять, что можно мыслить не в одном ракурсе, в одной плоскости, что можно мыслить вдоль и поперек, ввысь и в глубину, что можно соединять и разъединять мысли, что можно улавливать их противоречия. Заключая, я скажу только, что Вадим, сам того не ведая, подготовил меня к встрече с Сергеем Леонидовичем Рубинштейном.

У Вадима было право издания в СССР своих трудов, был поверенный, как сейчас говорят, менеджер. Я не думаю, что он получил за эти издания какие-то деньги. Он хотел, чтобы не исчезла память о судьбе и личности Леонида Андреева на родине. Не могу сказать, что о второй его книге «Дикое поле» у меня осталось сильное впечатление, но его «Детство» я ношу в своей памяти как то, что я сама видела, чувствовала, где жила...

Поскольку мне не довелось быть на последней с ним встрече, я располагаю только какими-то фотографиями. Там присутствовала моя мама, ее подруга... Вадим был с женой... Уже в годах, на отца не похожий, с потрясающе трагическим, в отличие от отцовской красоты, Дантовским профилем. Человек, не имевшей громкой славы, но такой силы духа, ума и стойко-

сти, который достоин был быть и зваться не только сыном своего отца, но сыном своей Родины – России.

Они вернулись в уже невыносимую Америку, где ждала их заложница дочь Ольга Карлайл – талантливый художник, так и прожившая всю свою жизнь в Штатах.

Вадим с женой перебрались вскоре в Европу, где они и встретились с войной...

Но мне выпало в жизни счастье, нет, не видаться с ним, но еще раз – узнать о нем...

Через много лет, уже имея двойной статус философа и психолога, работая во вновь открытом и возглавляемом Б. Ф. Ломовым Институте психологии (поскольку была выдворена после кончины С. Л. Рубинштейна из института философии – моей философской родины), я получала то приглашение в наше посольство – по случаю юбилея Леонида Андреева (куда мне было запрещено идти), то приглашение приехать в Вену (но не в связи с концепцией Сергея Леонидовича), и я понимала: это – от него... Туда я тоже не смогла выехать...

И только еще годы спустя, по советско-французскому исследовательскому проекту «Россия – Европа» я была приглашена в дом науки о человеке в Париже (Maison de l'Homme).

????

Закончив со встречами по проекту, я явилась к Директору дома м-е К. Элеру (Clement Heller) (который прекрасно говорил по-немецки), и что-то смогла ему рассказать о результатах работы. Под конец беседы он попросил написать официальный отчет. Но вопреки моим представлениям об отчетах как перечне учреждений и лиц, с которыми имели место встречи, он попросил меня дать сравнительный анализ разработки этой проблемы во Франции, США и СССР! (Хорошо, что я, тщательно готовясь к поездке, владея только разговорным английским, все же извлекла из двух томов, привезенных коллегой из США, данные, касающиеся моей темы!).

Оставшись доволен отчетом, меесь Элер, дружелюбно предлагая присесть, од-

новременно указывал на какой-то эстамп, висевший над его креслом в кабинете. Я, поднявшись на цыпочки, увидела не эстамп, а старинную фотографию, на которой за самоваром на огромном столе отмечали день рождения Нордман-Северовой – жены Репина! Она сидела во главе стола, Илья Ефимович – неподалеку, а еще чуть дальше – смотрел в объектив ... Леонид Андреев...

От неожиданности я воскликнула: «Да это же мой дед!». Месье Элер закричал вслед за мной, потому что услышал шаги приближавшегося к кабинету нашего советского атташе... «скорее, здесь внучка Андреева нашлась!». Т.к. кричал он по-французски и вошедший оживленно говорил с ним тоже по-французски, я не узнала в нем соотечественника... Только тогда, когда он, целуя мне руку, представляясь на чисто русском языке, выразил свое восхищение и поздравление, я увидела своего соотечественника.

Меж тем, месье Элер с высоты своего огромного роста начал беспорядочно перебирать что-то в высоком шкафу, роняя бумаги на пол. Вбежавшая секретарша была в шоке...

Но прежде, чем узнать, что искал Элер, я поведаю о том, что он рассказал мне... Долгие годы, живя в своем имении на берегу Женевского озера, он соседствовал... с Вадимом Андреевым! Они подружились – этот стареющий глава французского Дома науки о Человеке – международного центра интеграции, организации взаимодействия ученых мира гуманитарного профиля... и русский странствующий Рыцарь, у которого отняли его отечество. Я не очень много уловила из его рассказа об их встречах, дружбе, долгих вечерах, потому что от волнения он сбивался с русского то на немецкий, то на французский. А я, затаив дыхание, ни звуком не перебивала его... В руках я держала уже подаренную им книгу – альбом фотографий и биографию Леонида Андреева. Он хранится у меня дома на память – не о Леониде, а на память о Вадиме – старшем сыне – сироте Леонида Андреева...

Последний блик Шурочкиной судьбы и судьбы Вадим упал на меня... внезапно, сквозь виноградные лозы беседки ... на южном побережье Франции...

В один из приездов в Париж я должна была посетить маленький городок на юге Франции, стоящий на берегу океана – Экс-Эн-Прованс. Там работал мой партнер по проблеме исследовательского проекта.

Меня встретил положенный мне сопровождающий – еще не старик, но средних лет и ниже среднего роста, представившийся по-французски – fo – schöt – Никита Шидловский. Он владел русским в пределах роли гида. Однако последняя его роль разрослась до гигантских размеров – посадив меня на свой «не первой молодости» Рено, он провез меня по всему побережью океана, включая наем катерка..., чтобы показать побережье с воды и «...говорить по-русски». «Говори, говори по-русски!», – твердил он мне непрерывно.

Мы путешествовали, пока в какой-то глухомани Рено не выдержал... Меня пригласили в дом, чтобы «поговорить по-русски еще и еще...». А на прощание – в маленький ресторанчик, где сквозь обвинявшие его виноградные лозы еще раз мелькнул мне луч Ольги Корлайл, как последнее напоминание об отце...

Дело в том, что я, разогретая французским вином, под конец проболталась, что я – внучка Леонида Андреева. И мистика совпадений явилась передо мной... «Не может быть, – сказал Никита, – она живет здесь, с нами по соседству...».

– Вы плохо думаете о Леониде Андрееве, если считаете, что внучка у него всего одна....

– Ну тогда бегом – звонить ей!...».

Увы, Ольги не было в Европе... Но я не могла, бедняга, прийти в себя, узнав, что люди могут иметь дом в Штатах и ... виллу в Европе. Но тут вошел в азарт Никита, прервав мои воспоминания о коммунальных и двух-трехкомнатных владениях в Москве: «Но мадам Ксения, я тоже не лыком шит. Мой прадед – Голенищев – Кутузов. Поэтому будет нижайшая просьба слать мне все, что найдется о нем...».

А я все же «познакомилась» с Ольгой позднее – в *случайном* номере «Огонька» была ее прелестная фотография и краткая биография художницы...на *случайно* открытой странице...

А Вадим уже был похоронен на последнем пристанище своей скитальческой жизни – на берегу Женевского озера. Добавлю, заканчивая, он был потом перезахоронен, но... не в России, как его отец, а в предместьях Парижа, на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

С детьми от второго брака, в котором было много «от Достоевского»: измены, ложь, любовь-ненависть..., я познакомилась – с Верой – в Москве, а с Александром – потомком Леонида моего поколения – в Париже. С Верой – по ее просьбе о знакомстве через мою маму – в каком-то концерте. Вера выглядела скромной русской провинциалкой, с только изредка прорывающейся сменой осанки и лица: «Мы...». Я ожидала этого, уже ранее прочтя такое бледное в сравнении с Вадимовым ее «Детство».

Просьба касалась поддержки в устройстве дочери. Дочь ее Ирина потом не раз проявлялась злым гением в судьбе памяти своего отца... Как психолог (пусть теоретик) я сразу распознала в ней активную до фанатизма неврастеничку, если не... Выполнив просьбу, я более с ней не встречалась... Но имя ее было упомянуто разными людьми в связи с разными неприглядными историями...

После кончины моей мамочки я продолжила ее переписку с директором дома-музея Леонида Андреева в Орле Валентиной Вологиной, очень образованной, интеллигентной и ответственной. На приглашительном билете с фотографией Леонида, который я прилагаю к нашей с дочерью статье, она сообщает, что в Ницце скончался Евгений Андреев – сын Валентина – мой троюродный брат. Я, к стыду своему, не знала, чьим сыном был Александр, живущий в Париже и дважды приглашавший меня, а потом меня – с дочерью, к себе в гости...

Ольга Валентиновна добавляет, что сын Евгения – моего брата – Александр. Но последний тогда принадлежал к поколению наших детей – моей дочери. А он был мой

сверстник. Вот чем обернулось мое зазнайство, в котором я смею упрекать Леонида Николаевича.

Интереснее, как сюжет небольшого комического рассказа, была встреча – первая – с Александром и Розой – уже увядающей, но полной, переполненной, чисто французской практичностью, выглядывающей даже из разреза – от пола до талии ее свободного, подобно римской тоге (отнюдь не халату) одеяния. Она подвизалась на информационном поприще, издав две, может, и более (мне не известно)

?????

токовые брошюры: одну – об экономном приготовлении вкусной еды (рынки, магазины, цены, продукты, ранжированные по их сочетанию в блюда, по рангу приема гостей, и т.д., и т.п.). Вторая и сегодня у меня на полке – изящная и рациональная, как Роза – о гостиницах, вокзалах, магазинах, местах достопримечательностей культуры и, конечно, ресторанах, где лучше и ... дешевле. Дочь одесского владельца книжного магазина, она знала все в деталях и излагала с изяществом привлекательности. Имя Леонида она не упомянула ни разу.

Александр, как это бывает в подобных парах, был подкаблучником, на котором, как в известной поговорке, «отдыхала природа». Мягкий, вялый, он оживился за вечер дважды: когда я упомянула слово «Россия» – с нескрываемым раздражением, если не более, но еще более гневно – при повествовании о несчастной судьбе их дочери, которая выбрав предметом своих бакалаврских изысканий русскую литературу, отправилась в Россию и вместо диссертации о русской драме, привезла оттуда «молодого повесу», которого им приходится кормить, одевать и терпеть в своей совсем не обширной квартире. Здесь практичность Розы дала непоправимую трещину, поэтому она с собой торжественностью повествовала о том, как на большой тарелке за ужином можно закрыть большую площадь салатом, а мясо – экономить. Слышал бы эту заповедь невестки известный русский писатель, вывозивший занавеси из Италии и заказывавший диваны на 30-40 человек!

Вторая встреча – приглашение меня с дочерью на холостяцкий (!) ужин – протекла соответственно заявке, на усталном ковровом и избыточном подушек полу (!). P.S. Где же была в это время Роза – не помню.... Но ужин вполне отвечал ее основному принципу – еда была доставлена из дешевого китайского магазинчика. Но (о, эти русские! Их ничем не удивишь...) разговор был серьезным, поскольку вторым фигурантом был Ричард Дэвис, знакомство с которым началось еще по переписке и длилось довольно долго.

Хорошо, что я узнала о нем еще до этой встречи, и взрыв моих патриотических чувств произошел ранее – не на холостяцком ужине. Ричард-по нашей номинации – был директором или руководителем, а сегодня можно сказать, владельцем русского музея в Англии, в городе Лидсе, в архивах которого находилось огромное количество не только книг русских писателей-эмигрантов, но и их архивов! Это он издал уникальный альбом фотографий и биографию Леонида Андреева, подаренный мне месье Элером... Мысль о том, что рукописи Бунина, Бердяева, Куприна и многих других хранятся в архивах Англии, когда я впервые узнала об этом, привела меня в состояние отчаяния и бешенства!

Однако, Ричард не только скупил эти сокровища, он их в известном смысле и заработал. Совсем молодым он неоднократно посещал Ленинград, изучая русскую литературу, пока кто-то, по советской привычке, не «настучал», куда следовало, и он был *экспатрирован* (?) из Союза с запретом дальнейших визитов. Живя в другом культурном духовном пространстве, он, конечно, обиделся, но не стал держать камень за пазухой. Он очень много и бескорыстно помогал музею Леонида Андреева (по свидетельству директора О. Вологиной в Орле в переписке с моей мамой и благодарных нынешних при личной встрече с моей дочерью – руководителниц!).

Но и на эту его благотворительность легла какая-то тень активности Ирины, побуждаемой не лучшими притязаниями. Получалось, его оскорбили дважды – за его пристрастие к русской литературе... Но он был человеком

легким и увлеченным... иным. Эта встреча была сумбурной – не деловой и не интересной, а раньше или позже, получив генеологию нашей ветви семьи Л. Андреева, идущей от Зинаиды Николаевны к маме ее дочери и ее, в свою очередь, дочерям – мне, сестре и т. д., он как-то растворился в туманных долях Альбинона (по А. П. Чехову), то бишь своего Лидса, своей отсыревающей Англии.

Но поправить унылый тон этого «холостяцкого» ужина мужчины смогли на чисто французский манер. Они после смеси армянского коньяка и русской водки (можно ведь, ненавидя Россию, потреблять ее «экс-клюдив!») были в этот бархатный парижский вечер скорее ведомыми, чем ведущими, но все же нашли вход в метро, но... ни талонов, ни монет на проезд у них не оказалось. А так как мы с дочкой, все время держась плотнее друг к другу, уже прошли штакетницу, то передать им финансовую поддержку уже было невозможно, и тогда Ричард неадекватно громким голосом многократно и как-то грозно восклицал: «Я научу вас пользоваться парижским метро», вытянув из оторвавшейся подкладки плащевика Александра последний жетон (или монетку?), прижав к себе его уже объемную фигуру, с громким хохотом протиснул «сладкую парочку» через щель штакетника... А мы тем временем успели зайти в последний вагон уходящего состава, удалившись уже теперь совсем по-английски...

Однако, возвращаясь к семье Леонида, я не могу не упомянуть в этом юмористическом контексте об on-line знакомстве со старшим сыном от второго его брака – Саввой. По содержанию обеих повестей о детстве Вадима и Веры инвариантом в той и другой книжечке «Детство» детей разных матерей была фигура Саввы. Если эпицентром семьи был Леонид – с его хандрой, капризами, ночной работой или приступами разных инициатив, то Савва был эпицентром в кругу детей (а не Вадим, после кончины матери оставшийся в доме отца, вернее сказать, его жены).

Итак, эпицентром ребяческого круга был не Вадим как старший сын Леонида, а именно Савва (Саввочка, Савуня

и т. д.). Его в открытую обожали и отец, и мать. Он был баловнем судьбы. И вот на чудом сохранившейся фотографии мы с дочерью увидели его... взрослым. Я не ошиблась, назвав его место жительства в мире – Рио-де-Жанейро: он стоял... меж двух пальм, высокий, стройный в позе профессионального танцовщика или балеруна с победоносным выражением лица в чертах которого проступало что-то львиное. Он так и закончил свой жизненный путь среди пальм и кулис, не заглянув ни в Европу (в Финляндию на могилу отца), ни уж тем более в Россию. Венком на его могиле явилось письмо его последней любовницы, которая отослала его в правительство СССР с требованием какой-то смехотворно заоблачной суммы за ее готовность «расстаться» с какими-то то ли любовными письмами (не берусь утверждать – не видела), то ли с семейными документами, которых Савва (по определению) иметь не мог... Видимо, ген величия, присущий Савве, оказался заразным.

От кого же «заразилась» вирусом самомнения Вера, тогда как оба брат, и Вадим, и Даниил, отличались той русской интеллигентской душевной и одновременно полной достоинства скромностью, подобной разве что одному А. П. Чехову?

Я, сначала обрадовавшись, что она сумела создать фильм о Данииле, когда я увидела его на ТВ, поразились тому, как мало там был представлен сам Даниил и его творчество, и какое обширное и, я бы сказала, высокое место заняла в нем в Вера... Случайность? Но когда я узнала, что она будет выступать в доме Ученых, обрадовавшись, я купила цветов и даже пригласила подругу, и мы, с замиранием сердца приготовились слушать, с трибуны в манере привычного оратора зазвучали стихи... Веры. Мы даже не досидели до конца...

Вспоминается и другая дама андреевской семьи, царственная манера и величие которой не определялось генами Леонида Николаевича – она была необыкновенно красива... И при всем этом оказалась под обстрелом андреевского юмора... Он

назвал ее «братской могилой», прозвищем, которое навсегда и закрепилось, потому что оно – увы! – объективно отражало печальную правду ее отношений сразу с *двумя* братьями Леонида Николаевича! (Я не упоминаю их, потому что и сама мало о них знала и по-видимому, роль их в жизни семьи оставалась где-то на заднем плане). На пожелтевшей фотографии спорит с прошедшим временем победоносная красота «Риммы» – жены Андрея Андреевича Оль, сыгравшего свою печальную роль в жизни семьи... И не случайная ирония видится мне в роли жены как *могилы* братьев, а мужа – как строителя *гробницы* – жилища всей семьи.

И символичным представляется, что андреевская традиция выделять среди детей любимцев, баловня, как непререкаемая, передается и этой семье... Им остановится тот, кому дается как знамя, имя отца – Леонид, и ... как бы выражая его семейную роль любимчика, это красивое имя преобразуется (как все-таки парадоксально!) в Люся, а его брат звучно поименованный Львом – в силу полной его невыносимости матерью – Риммой, вообще удаляется из семьи.

Я встретила с ним, сама будучи подростком, но личность и судьба его оставила на всю мою жизнь неизгладимое трагическое впечатление. Он – видимо, совсем молодым – навсегда ушел из семьи, Сначала – в морское училище, а затем в море. В отличие от преобладавшего в детях и внуках Леонида, если можно так выразиться, гуманитарного типа и склада личности – в кресле с пером, это был сильный мужественный, собранный физически и духовно человек, прошедший за свою жизнь... все. Он плавал на российском, потом советском судне дальнего – сейчас можно сказать – международного значения – механиком, как я поняла – это второе лицо после капитана по уровню ответственности.

Он объявился у нас на даче (той самой избе, на террасе которой в начале повествования я писала, как благодетельствовал мой дед за трубкой и

стаканом чая...), минуя столицы – Москву, Ленинград, как стало мне очевидно при первом на него взгляде – потому, что не было у него там ни дома (уж не говорю – своего), ни... близких. Он приехал к маме моей – такой же сироте, как и он...

Они проговорили тихо, шепотом всю ночь, а я, дрожа от холода на своей террасе, прижав ухо к двери – слушала... Естественно, что он рассказывал маме и о делах международных, о которых мы за своим железным занавесом ничего не знали (в каких только портах ни приставало их судно!), и об отношениях к нам, русским, в этих самых разных странах) и о своих спутниках, которые либо не выдерживали долгосрочного режима плавания, либо эмигрировали, или пытались прибиться к чужому берегу..., и о тех, кто за годы стали большой испытанной семьей...

У него не было семьи, его не ждала ни в Мурманске, ни в Одессе годами верная подруга. Я как будто уже к тем годам покончила со слезоточивостью, отличавшей женскую половину нашей семьи, сначала сменила намокшие носовые платки полотенцем, а потом рубашку, промокшую от слез – чьим-то пальто.

Когда утром он вышел на террасу, подтянутый как будто не только своей морской формой, но всем существом своим, как будто сжав в кулак всю боль свою, поведенную маме так, что побелели косточки пальцев, он ничего (только два-три слова) – не сказав, так сжал меня в своих железных объятьях, так долго смотрел, не отрывая взгляда, мне в глаза, как будто вся радость его, побывавшего только одну ночь у кого-то родного, вся горечь его жизни – одиночки – и не в семье своей, и не в своей стране, а в необъятных морях планеты нашей, слившись воедино, пробили все существо мое – на всю жизнь. Я узнала *другое измерение* жизни, я побывала в нем. И это со мной осталось.

И после этой встречи ко мне пришло осознание трагического. Я скажу только о том немногом, что касается судьбы семьи андреевской. В моем сознании высветилось не только трагическое в творчестве

самого Леонида: нечто более значительное, чем мрачность творчества его, а какая-то черная необъяснимая тень, легшая на судьбы его многочисленных потомков. И шутивное риммино прозвище «могила» вдруг переросло в необъяснимую реальность последовавших смертей.

Покончила с собой другая – не упомянутая мной дочь Веры – красавица, но в отличие от Риммы – строгая, умная, тонкая – Наталья. Я виделась с ней... При невыясненных обстоятельствах сгорела в своей ленинградской квартире Вера... И одаренный по иному – не литературному направлению талантливый физик – сын Галины Андреевны Оль – дочери Риммы и Андрея Андреевича «Олей», долгие годы со своим талантом гонимый, вдруг получивший приглашение «оттуда» и каким-то чудом выпущенный на конгресс, был убит во время стоянки поезда (при смене путей, происходящих при пересечении границы).

И может быть, эта последняя черная страница моего повествования, как будто говоря со мной, отвечая мне, побуждает меня вернуться к его началу – истоку – источнику – Леониду Николаевичу Андрееву и переосмыслить свою собственную, мягко говоря, не лестную оценку его творчества и в какой-то степени личности.

Быть может талант его, по-моему, отличавшийся какой-то чрезвычайной громкостью, каким-то гигантизмом, кажущимся мне преувеличением, на самом деле был не найденным им самим как личностью способом выражения души его – тонкой, ранимой, бесконечно тревожной в данной ей прозорливости восприятия хаоса, неопределенности российского бытия, российской судьбы. Может быть, будоражившая его потребность в славе (быстро возникшей и также быстро ушедшей) толкала его на эту громкость, грандиозность, все усиливая ее? Во всяком случае противоречие – в начале жизни – между красотой внешности и бедностью (неблагополучием) жизни, углубляясь, раздирало его личность и... сердце.

Стала тривиальной характеристика горьковского творчества и его самого как

выломившегося из своего класса. Не принимая словесной формы этого определения, я знаю, что Леонид тоже вырос не в интеллигентной русской семье, не знал ее культурных традиций и устойчивости. Молодость его была жизненным метанием, преодолением *в себе* когтей нищеты быта. Он не был личностью философского склада, открывающего возможность *познания* социальной реальности. Он мог только ее *рисовать* своим талантом. И от того, что рисунок всегда ограничен в пространстве, как и повесть, и пьеса, он сугубо интуитивно хотел выйти, вырваться за эти пределы, увеличивая громкость звука.

И в жизни, как компенсация закладываемых в ломбард даже подушек – такова была глубина ямы бедности – это его стремление к огромному дому. И как переживание – перед самим собой – неполноты выражения всей глубины задуманного в написанном – не удовлетворение, отсюда – поиск – разброс, смена занятий-увлечений – то лодки, то велосипеды – чтобы двигаться, двигаться куда-то дальше, дальше...

И только короткое счастье жизни, наполненной Шурочкиной любовью, ее определенность приводили его в состояние равновесия самому себе... Свою слабость в осиротевшей жизни и пытался он наполнить показным – на людях – самомнением, вдруг оборвав эту манеру скромности, увиденную в нем Телешовым. Изменой ей – разрушительной силы – стал его брак с Анной (также, как брак с Анной моего деда).

И потому и как психолог, и как философ, я полагаю не только справедливым, но просто необходимым значительно больше, чем это принято в отечественной, да и во всей мировой литературе (не ограничиваясь предваряющей роман биографией писателя) стараться – по-возможности – заглянуть в его душу, понять соотношение его творчества не только с эпохой (как мы это любим!), а с самим автором, и посмотреть, как он ладил с самим собой соотносительно с тем, *что* он писал.

И в этой связи я благодарна судьбе, но не тому, что я оказалась (!) родственницей более или менее знаменитого человека, а

потому что в силу этого родства я смогла узнать – пусть очень небольшое – о его жизни, судьбе, близких и потомках, чтобы осмыслить все эти осколки или вернее, собрать их так, чтобы они поддавались пониманию, осмыслению и... приятию.

И создав, конечно, с огромными проблемами, эскиз этого целого, я хочу выразить благодарность Леониду Андрееву, но не за его творения, которые, в лучшем случае, я могу объяснить, почему они оказались такими, а за то, что не только в душе, но в крови его было то, что дало России таких его сыновей, какими были Вадим и Даниил, даже при том, что он сам ничего не сделал для них, что во множестве ветвей его генеологического дерева был Андрей, заплативший жизнью за свой талант, и был Лева, как мы его ласково при первой встрече с мамой называли, изгнанник семьи, Родины, доказавший всей никому не известной жизнью своей, каким может быть мужчина, русский человек... Я благодарна ему, его памяти и за себя, поскольку и во мне бродила какая-то потребность мараить бумагу, превращенная волшебницей судьбой в увлечение философией, и за своих дочерей, унаследовавших скромность своей прабабушки Зинаиды, и неустанные поиски путей реализации одаренности, наверное, (?) от Леонида...

Последней страницей моих воспоминаний – встреч – было письмо в орловский музей Леонида Андреева в связи с тем, что разбирая по случаю своей наступающей старости разные письма, я нашла среди них короткую – из трех-четырёх писем – переписку Леонида Николаевича с дедом моим Виктором Петровичем по поводу забавного (выше мной не упомянутого сюжета) – просьбы Леонида деду... купить и привезти ему... велосипед (поелику старый пришел в негодность). Письма обоих адресатов пересыпаны шуточками, шутливыми прозвищами, свидетельствующими о дружбе семейной и взаимном приятии... Кроме того, у моей мамы – Евгении Викторовны – сохранились альбомчик с фотографиями семьи Леонида, отдельные фотографии – того самого его злославно-

го дома, а также Зинаиды Николаевны с Виктором Петровичем – молодых, красивых (наверное, сразу после свадьбы) и другой пары – красавца Леонида Николаевича и его любимой и любящей матери, контрастом своей простоты и скромности подчеркивающей пронзительность его красоты. Думаю, ее безграничная любовь и преданность – как ни к кому другому – согревала тепло его холодную душу... Кроме этих обычных, но прекрасно сохранившихся фотографий, я нашла целую коробку других – сильно выцветших, помещенных на плотный картон одного размера, и тогда только поняла назначение странного предмета, заброшенного среди старых вещей. Он состоял из двух сплетенных прекрасного дерева палочек и двигающейся по одной из них полуоткрытой коробки – тончайшего дерева, изнутри обшитой уже потертым бархатом: фотографии вошли в свой... пазл: это был старинный аппарат, помещаемые в который фотографии придвигались в коробочке вплотную к глазам и ... изображенное на них виделось как реальность. Это был стереоскоп. А изображение – сюжет фотографии – при всем своим выцветшем качестве – был поразительным! На русском луговом просторе с видневшимся вдали леском, взявшись за руки, – хороводы – один – молоденьких женщин -девушек, другой – молодых же в подпоясанных по-русски рубахах – мужчин. И завершающим аккордом их молодого веселья были сплетенные из полевых цветов... венки, украшавшие головы кружившихся в хороводе...

Будь я художником или искусным современным реставратором – фотографом, я бы увеличила эти снимки, восстановила бы до отчетливой видимости и ... узнаваемости их прекрасные молодые, веселые, нет, озорные лица и поместила бы на соответствующее место в интерьере музея Леонида Николаевича как прекраснейший **эпиграф** (а может быть, предисловие) к его жизни...

Они как бы перекрыли трагический смысл его фотографий, позирующего в бархатных куртках в черном интерьере мрачного дома, да и все, что я думала и

написала здесь о нем... Это была Русь – с ее раздольем, с весельем его хороводов, русских простых одежд (сарафанов, перепоясанных рубахах...) и увенчанной простыми полевыми цветами венков их молодости, сомкнувшихся в веселье теплых рук... Они-то, пусть самые пожелтевшие, запечатлели и сохранили то веселье и молодость русской души, пусть только брызги которого достались, пронесясь через трагический век – нам – их потомкам...

И я сама своим сознанием и душой соединила эти фотографии, лежавшие годами – как будто никому не нужные в мамином шкафу – с той, в другой, подругому прекрасной стране – Франции – и ее сокровище – Париже, мной увиденной фотографии, висящей на стене Дома науки о человеке, на которой, за столом с искони русским самоваром рядом сидели – и тоже весело! праздновали день рождения Нордман – Северовой – великий русский художник Илья Ефимович Репин и – видно друживший с ним по соседству в холодной стране Финляндии – сложный, тонкий, ранимый, пытавшийся осмыслить всю глыбу судьбы России писатель – Леонид Николаевич Андреев.

Они – эти фотографии – как узелки случайностей моей жизни взяли друг друга за руки как символ нашей прекрасной, пусть потускневшей в своей радости России.

И разумеется, мы с дочерью – я скажу о ней – не только в ее генах, но в душе сохранившей талант своего предка – пишущей стихи, рисующей картины – пригласили директора орловского музея Леонида Андреева Татьяну Викторовну Полушину к себе в гости, чтобы передать ей по праву должны находиться в музее найденные нами раритеты.

И трудно даже описать ту степень радостного возбуждения, с которым появились на пороге нашего дома в Сергиевом Посаде, но не одна директор музея Леонида Андреева, а со своим другом – единомышленницей – Директором Орловского объединенного государственного лите-

ратурного музея И. С. Тургенева Верой Витальевной Ефремовой.

Сколько воспоминаний, впечатлений было в тот солнечный (во всех смыслах) день! Из взаимных рассказов, дат, имен, эпизодов жизни этой огромной семьи ткался нами – взволнованными, впервые встретившимися женщинами волшебный занавес воспоминаний, аура восстанавливаемого прошлого...

И, конечно, немедленно были извлечены на свет все – но увы, немногие, сохраненные бережно матерью моей раритеты, каждый из которых вызывал бурю чувств.

Но это пережегалось и нашим рассказом – моим и дочери – обо всем, описанном выше, о нашей – от Зинаиды Николаевны идущей – ветви андреевского дерева – жизни, судьбе...

Гости просили показать Алины¹ картины, вызвавшие восхищение. Только до стихов из-за наступления темноты... не дошли.

И завершающим всплеском – уже других чувств гостей – было наше сообщение о том, что все это... – подарок музею Леонида Андреева. Мы – потомки своего предка – не продаем за деньги то, что делают иные, называя архивами... Мы передаем – из рук в руки, из уст в уста память о великом-прекрасном и трагическом про-

шлом России, в которое Леонид Андреев написал и свою фамилию...

Но обе встретившиеся стороны – мы – наследницы и хранительницы (Татьяна Викторовна и Вера Витальевна) оказались достойными друг друга в этом деянии... Не прошло и месяца, как мы получили орловскую газету, где на целом развороте был рассказ о совпадшем с нашим «подарком» юбилее Леонида Николаевича (вот она – неслучайная символика совпадений – событий в жизни) и о другом – неизвестном нам дарителе = потомке Андреева – тоже! Леониде, благодарное повествование о нашем даре, моя фотография (!) и... краткий рассказ-впечатление о моей дочери.

Вы думаете, нам не было приятно (если не больше того!) увидеть, как наши постаревшие от времени презенты превратились в *сегодняшнюю* (в настоящем времени и сегодня прославляемую – на весь Орел!) *действительность*. Мы стали героинями дня только потому, что вынули из старинного шкафа мамочки – Евгении то, что она получила из рук прошлого и своими руками – передали это в руки – не родных, не близких (даже до толе незнакомых), ответственных до самозабвения, трепетно хранящих и ведающих миру об ушедших в далекое прошлое людей.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Абульханова Ксения Александровна – доктор философских наук, профессор, академик Российской академии образования, главный научный сотрудник Института психологии Российской академии наук.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ksenia A. Abulkhanova – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Academician of the Russian Academy of Education, Chief Researcher, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Абульханова К. А. К юбилею Леонида Андреева. Воспоминания о встрече // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2021. № 4. С. 9–22.
DOI: 10.18384/2310-7227-2021-4-9-22

FOR CITATION

Abulkhanova K. A. To the Anniversary of Leonid Andreev. Memories of the Meeting. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2021, no. 4, pp. 9–22.
DOI: 10.18384/2310-7227-2021-4-9-22

¹ Славская Александра Николаевна, кандидат психологических наук, дочь и соратник К. А. Абульхановой.